

Городок лежит на низком плато едва ли сколько-нибудь рельефной плоскости; его влажный климат колеблется от яростного холода зимой до яростной жары летом; однако люди приезжают сюда из поколения в поколение — “на воды” его соляных источников, посетить модный августовский сбор и поглазеть друг на дружку. Хотя городок и отдален, но постоянное население его даже растет: безопасность и приятность этого места все больше привлекают сюда зажиточные семейства из крупного города. Процветающее черное сообщество, сложившееся много лет назад из сезонных официантов и конюхов, решивших здесь осесть, придало этому небольшому и укромному поселению космополитичный дух.

За двадцать семь лет до возвращения Элизабет городок избрали местом проведения июльского политического съезда. Однажды вечером в начале месяца на участке одного из двадцатикомнатных “коттеджей” на Северном Бродвее в саду принимали гостей. Собралось больше двухсот человек, одетых в бледные летние цвета, слишком уж похожих друг на друга, чтобы кому-то, кроме них самих, было с этим уютно: они сбивались

в стайки неодолимо, как скворцы. Среди них в очевидном отдалении стоял молодой человек, один. В городке его не было двенадцать лет — с тех пор, как ему исполнилось десять.

Ему нравилось наблюдать за шумным сборищем (с кем он познакомится? кто понравится ему? кто полюбится?); тем не менее он решил — после второго фужера шампанского, — что ему следует либо смешаться с прочими, либо уйти. Он увидел знакомое лицо — молодая женщина, которой его некогда представили. Юноша подошел к ней. Не похоже, что она его узнала.

— Вы меня не помните? Извините — я не знаю здесь ни единой души...

— Даже меня! — воскликнула она. Он назвал их общего знакомого. — Вы Оливер! Я Элизабет Хи...

— Вас я узнал.

— Потрясно. Слушайте, я тоже здесь никого не знаю — по крайней мере, из тех, кого хочется. Давайте объединимся и выберем себе по вкусу. — Не успел Оливер заявить о своих сомнениях, Элизабет пленила его левую руку. — Вы первый. Как насчет дамы в голубом — блеск, что скажете? Не слишком стара для вас?

— Вовсе нет. Мне нравятся женщины постарше. — Он был на год-два младше Элизабет — целая пропасть для того, кто только что из колледжа.

— *Понимаю* — и она так расторопна для своих двадцати шести! Прошу прощенья, — сказала Элизабет их жертве, — вот этот восхитительный юноша, которого я знаю уже целую вечность и могу поручиться за его восхитительно низменные намерения, сходит по вам

с ума и робеет, вот я и решила оказать вам обоим услугу. Это... — ее рука стиснула сжавшийся локоть Оливера, — ...это Оливер Прюэлл.

Фамилия ненадолго привлекла взгляд Мод.

— Я думала, что помню всех Прюэллов... — Поскольку Оливер не уцепился за поданную реплику, Мод вновь повернулась к Элизабет. Посредница из нее получалась отвлекающая.

Элизабет никак не давала Оливеру обрести почву под ногами, представляя его, например, эдак:

— Ума не приложу, что он в вас нашел, но он до смерти желает с вами познакомиться.

Вскоре он уже и сам наслаждался игрой: познакомился с двумя свеженькими девушками, только что вышедшими в свет, женой губернатора и шлюхой ужа-сающей красоты, а сам представил Элизабет судье, писателю и спортсменам по ее выбору.

Он быстро становился одержим и самой Элизабет. Возможно, к этому его предрасположило знакомство со шлюхой. Даже тогда он продолжал думать об Элизабет как о женщине “старше” и этакой “слишком уж старой для него”, покуда, когда он подводил ее к какому-то до нелепости громадному хавбеку, она подтолкнула его — скорее заговорщицки, а не интимно: он стоял вплотную позади нее и почувствовал, как ее ягодицы вжались ему в бедра, мягкие и мускулистые, как язык. Запнувшись посреди очередной фразы, он едва сумел доиграть свою роль.

Под конец вечера к Элизабет пристал липучий молодой человек, распускавший руки невзирая на ее

уклончивую болтовню. Аллан, немного пьяный, об этом случае забудет. Оливер не отходил от Элизабет, не позволяя ни спине, ни локтю молодого человека себя изгнать, пока тот не убрался. Благодарная Элизабет попросила Оливера проводить ее домой.

Поселилась она у друзей неподалеку. Не предложила отправиться куда-либо еще, не пригласила зайти, не стала сидеть с ним на веранде. Лишь чмокнула в щеку, словно бы говоря: вы мне нравитесь, я вам доверяю. Не к этому он стремился, но очень боялся оказаться неуклюжим. Она и *была* старше. Ему требовалось приглашение.

Заходя в дом, она сказала:

— Завтра я иду в “Бани Мевилл”. Пойдете со мной? Буду у павильона без четверти десять. Спросите ячейку номер восемнадцать. Должна быть самой славной на вашей стороне.

Оливер отправился домой довольный.

Назавтра утром в “Банях Мевилл”, частном заведении, специализирующемся на грязях (их облагородили как *фанго*, с кивком на Баталью в Эвганейских холмах), сопровождаемый обходительным негром в мундире из сирсакера, Оливер обнаружил, что в комнате 18 его ожидает ванна чего-то напоминающего исходящее паром дерьмо. Ему выдали махровый халат и стопку полотенец, проинструктировали, как пользоваться грязью, и оставили одного. Он с сомнением пялился в ванну. Что за прок ему от этого последнего средства для заскорузлых ревматиков? Раздевшись и обернув бедра полотенцем, он обмяк на табурете, тоскливо воз-

ведя очи к световому люку из голубоватого матового стекла.

Он услышал скрежет металла и, оглядевшись, увидел, как приотворилась дверь возле ванны. В расщелину просунулась ступня с коралловыми ногтями. Дверь распахнулась, явив Элизабет. Одну руку она держала за спиной, а другой придерживала у горла необширное полотенце, которое, болтаясь, когда она делала шаг в комнату, открывало симметричные фрагменты все еще не измаранного грязью, не прикрытого одеждой тела. Поскольку в помещение вошла дама, Оливер, разумеется, встал. Элизабет спросила:

— Не желаете ли танго в фанго?

Оливер почувствовал, как соскальзывает его полотенце. Схватился за него обеими руками, а Элизабет плавно извлекла из-за спины колобок грязи размером с канталупу. Колобок этот попал ему прямоком между глаз.

Он стоял ослепленный, задыхающийся, голый. Хихиканье Элизабет донеслось до него издали. Она удрала в свою комнату. Дверь между ними не закрыла. Оливер выцарапал жижу из глаз и рта, набрал обильные пригоршни ее из ванны и зашагал за нею следом, вознамерившись мстить.

Уже обернутая халатом, Элизабет стояла у себя в комнате рядом с дальней дверью. При его наступлении она сказала:

— Пойдите, — и он повиновался. После чего испустила визг душераздирающего ужаса. За ним еще один; Оливер по-прежнему не понимал. Кто-то бежал

по коридору. Оливер поднял одну руку, наполненную грязью. Элизабет, все еще воя, сделала шаг от двери, которая открылась, впуская крепкую матрону, чья тревога на лице быстро сменилась изумленьем, а затем и негодованием. Оливер поспешно развернулся к собственной комнате, но обнаружил, что Элизабет проскользнула ему за спину. Безутешно хныча, она теперь загоразживала ему проход.

Матрона перемещалась к ванне. Оливер увидел над ванной выемку с тревожной кнопкой. С хитростью загнанного зверя он, не раскрывая рта, шлепнул плюху грязи на кнопку и выскочил за дверь в коридор дамской секции.

По хронометру бегство его длилось двадцать секунд. Он миновал одну клиентку с ее служительницей; еще одну, без сопровождения, которая его не заметила; и уборщицу, катившую тележку, полную мохнатых палок. В воображаемом времени путь его близился к бесконечности, и за время этого пути он встречал другие фигуры — менее ощутимые и гораздо более настоящие: своего отца, торжествующего от того, что оправдались его худшие страхи, свою мать, белую как мел на смертном одре, к которому ее привел его позор, блатаря-сквернослова в его бригаде кандальников-каторжан. Он пережил окончательные откровения о судьбе человеческой и природе реального. Истину он признал и как абсолютную, и как неизъяснимую, само время — как необратимое и незначительное. Он подошел к грани мистического постижения *каритас*.

Топот хлюпающих ног — его собственных — напомнил Оливеру, в каких он обстоятельствах. После чего он потешился умной мыслью, что у всех женских комнат рядом должны быть комнаты мужские. Двери между ними запираются только с женской стороны? Почему бы и нет? Женщины — женщины никогда не пристают к мужчинам, ха ха, только мужчины к женщинам. Быть вместе возможно лишь с согласия девушек? Бани — большое любовное гнездышко? Он толкнул следующую дверь: открыто, в комнате никого. Откинул щеколду на двери развлечений: открыто, в комнате никого. Открыл дверь в дальний коридор — и там никого, все гоняются за маньяком на другой стороне! Счастливчик Оливер! Он проскакал до комнаты 18, где, запершись, присел на корточках перевести дух.

Лучше б ему пошевеливаться. Сначала вымыться. Он подошел к раковине: из зеркала на него уставилась обляпанная грязью физиономия, которая могла принадлежать и Элу Джолсону¹, и кому угодно. Он остался анонимен. Его рот, все еще ловивший воздух, раздвигался в ухмылке кьяроскурного блистания, когда из-под его поднятых рук через всю его грудь поползли покручивать ему соски две ладошки с острыми пальчиками. Он захихикал. Она вынудила его отъебать ее в ванне.

За обедом он у нее спросил:

— Почему не вчера вечером?

1 Эл Джолсон (Аса Йозлсон, 1886—1950) — американский эстрадный певец и киноактер, выступал в черном гриме, изображая негра.